

А. А. Тушков

ДЕЛИБЕРАТИВНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Автор исследует концепцию нормативной модели делиберативной демократии (делиберативных принципов) в контексте политической модернизации, когда классическая теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса опирается на идеал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации определяют формы демократического дискурса.

Ключевые слова: делиберативная демократия, дискурс, консенсус, коммуникативные действия, политическая модернизация, процедуры обсуждения.

Deliberative imperatives: the experience of critical interpretation in the context of political modernization. ALEKSANDER A. TUSHKOV (Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok).

The author explores the concept of normative model of deliberative democracy (deliberative principles) in the context of political modernization which means that Jürgen Habermas' classical theory of communicative action bases on the ideal community of free and equal individuals who determine the forms of democratic discourse through political communication.

Key words: deliberative democracy, discourse, consensus, communicative action, political modernization, discussion procedures.

Дальнейшее развитие политических модернизационных процессов современной России невозможно без углубленного и многоаспектного изучения достижений современной политической мысли. В этом отношении особый интерес представляет исследование концепции делиберативной демократии, или делиберативных принципов (процедур демократического действия), присущих развитию современной демократии. Нормативная модель делиберативной демократии, разрабатываемая Ю. Хабермасом, К.-О. Апелем и другими философами западной науки (Й. Коген, К.-П. Рипп, Д. Драйзек, Д. Роулз и др.), а также отечественными учеными (Т.А. Алексеева, Н.А. Баранов, Н.А. Бусова, Г.Г. Дилигенский, М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль, А.В. Назарчук и др.), опирается на идеал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации определяют формы демократического взаимодействия. Для оценки демократичности политического процесса Ю. Хабермас использует понятие процедуры обсуждения политических вопросов и принятия политических решений как некий идеальный тип. При этом демократическая самоорганизация общества представляется им как процесс или процедура формирования мнений и воли народа [12, с. 194, 195]. Однако политическая практика заставляет нас по-новому

взглянуть на классическую теорию коммуникативного действия. При этом возникают следующие вопросы: возможно ли в полном объеме использовать процедуры демократического действия в процессе политической модернизации при усилении антагонизма традиционных и модернизаторских элит; возможен ли при этом консенсус в обществе; как достигается политический консенсус, необходимый для самоорганизации общества; какова роль процесса обсуждения общественностью высших ценностей для достижения общественного согласия – консенсуса; в чем суть противостояния между теми, кто отстаивает идеи обсуждения, и теми, кто стоит на позиции политики интересов, и др.

В данной статье автор, критически анализируя дискурсивную теорию делиберативной демократии в контексте политических модернизационных процессов, делает попытку ответить на данные вопросы. Взгляд С. Хантингтона на концепцию политической модернизации (в технологическом отношении) дает нам основание для предметного исследования реализации делиберативных императивов в процессе политической модернизации общества. Он рассматривает модернизацию как процесс, включающий в себя три базовые цели, или линии, политического развития: рационализацию власти; дифференциацию социальных, государственных и

ТУШКОВ Александр Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток). E-mail: aa_tushkov@mail.ru
© Тушков А.А., 2012

гражданских структур; повышение уровня политического участия [14, с. 109]. Анализ хабермасовских понятий «консенсус» и «дискурс» в определенной мере предваряет последующие авторские рассуждения о возможности практической реализации делиберативных принципов в процессе политической модернизации. По Хабермасу процесс стабилизации общества, установления общественного порядка осуществляется через действие индивидов, ориентированное на понимание друг друга, т.е. координацию взаимодействия в процессе коммуникативного действия, где в основе лежит рассуждение (дискурс). Его поддерживает А.В. Назарчук, который утверждает: «"Теория коммуникативного действия" Хабермаса вывела, что рациональное возникает и развивается именно в сфере коммуникаций, и процессы, происходящие в этой сфере, являются определяющими факторами общественного развития. Именно коммуникативный дискурс, по мнению Хабермаса, создает то пространство свободы, в котором индивиды на основе согласия способны влиять на ход исторического процесса, быть его реальными субъектами» [6, с. 43]. Поэтому взаимопонимание ведет к дискурсивно достигнутому, мотивированному соглашению индивидов, а дискурс служит для мотивировки проблематизированных значимых требований, выраженных в мнениях и нормах. Противником этого (основным источником самоотчуждения человека) являются отношения власти и господства. При этом различные формы господства почти полностью подчинили себе человека. Отношения господства выступают в силу этого искаженной, «неистинной» коммуникацией. Противопоставить неистинной коммуникации, по мнению Ю. Хабермаса, можно идею сознательного, свободного и осмысленного дискурса, характерного для человеческой коммуникации. Только дискурс является целенаправленным процессом обсуждения общественностью своих идеалов, при этом основной его задачей является решение проблемы достижения общественного согласия – консенсуса, т.е. того взаимопонимания, которое характеризует «естественное» общение людей в жизненном мире, не искаженном вторжением общественных систем [4, с. 357].

Ю. Хабермас предполагает, что консенсус будет достигаться в результате рациональной критики базовых ценностей, которые выступают высшими принципами целеполагания, определяющими самую общую перспективу социальной деятельности. Такая критика способствует сознательной коррекции участниками дискурса высших ценностей в целях приведения их в соответствие с изменяющимися требованиями. Поэтому и нужен общественный дискурс, т.е. дискурс, в который были бы

включены все члены общества, в том числе власть, оппозиция, а также традиционные и модернизаторские элиты. Тогда в процессе рационально организованного обсуждения можно было бы преодолеть индивидуальный и групповой партикуляризм, разобщающий людей и мешающий их взаимопониманию. Ю. Хабермас, описывая коммуникативный консенсус, утверждает, что с достижением социального мира и переходом к нормативным отношениям все социальные отношения принимают этический характер, т.е. он оценивает реальность с точки зрения ценностных ориентаций.

Через особые процедурные условия можно определить вид дискурсов, способных выполнять политическую функцию и конституировать политическое сообщество. Так, один из теоретиков делиберативной политики Й. Коген выдвигает несколько постулатов требуемых делиберативных процедур. Это консультации, которые осуществляются в аргументированной форме, т.е. посредством упорядоченного обмена информацией между партиями. Они должны быть открытыми и публичными (чтобы никто не мог быть из них принципиально исключен), свободными от внешнего принуждения (за исключением принуждения «силой аргументов»), а также нацеленными на рационально мотивированное согласие (в принципе они могут продолжаться сколь угодно долго, не исключая при этом их временного прекращения решением большинства). Кроме того, политические консультации должны быть отнесены к вопросам, которые являются предметом совместного интереса всех, а также распространяться на интерпретацию потребностей и дополитических установок, не ограничиваясь пределами ценностного консенсуса, опирающегося на общую традицию и практику [1].

Й. Коген делает важное допущение, говоря, что консультации как вид делиберативных процедур должны быть публичными. В этом положении мы солидаризируемся с мнением Т.А. Алексеевой: публичная сфера приобретает тогда политическое измерение, когда интерес граждан направлен на деятельность государства. При этом ключевым условием выступает наличие общественного мнения. Государство – не часть публичной сферы, однако его способность к принуждению позволяет ему стать противовесом публичной сферы, в свою очередь уравнивающей государство [2]. Государственная власть, в отличие от самого государства, – это публичная власть, но данное понятие относится к ней только в контексте заботы о публике, т.е. обеспечения общего блага для всех легальных элементов общества. Сама же публика воздействует на власть через законодательные органы, средства массовой информации, общественные

и политические организации. И здесь Алексеева указывает существенное, на наш взгляд, различие между мнением и общественным мнением. Общественное мнение предполагает наличие нескольких обязательных условий: оно возникает только при условии свободной и рациональной дискуссии; оно возможно лишь при наличии институциональной защиты свободы слова и собраний, поскольку главная цель публичного обсуждения – критика власти и государства, сама возможность которой в условиях авторитаризма становится весьма проблематичной. Общественное мнение, таким образом, по определению представляет собой «вызов» по отношению к власти: только в этом случае оно может выполнить функцию публичного контроля. Разделение на две сферы – мнение и общественное мнение – происходит только на определенном этапе становления общества, когда уже состоялась констелляция (формирование и агрегирование) интересов основных участников общественной жизни [2].

Общество, как частная сфера, отделено от публичной власти. Оно становится носителем публичного интереса лишь при условии обеспечения властью процедур демократического действия. Но при этом появляется первый субъект публичной сферы, по выражению Алексеевой, это так называемые частные лица, не участвующие в публичной деятельности, к которым могут быть отнесены обладатели среднего капитала. Выразителем их мнения является оппозиция, которая направлена не против концентрации власти, которой следует подчиняться, а против самого принципа устройства власти. Таким образом, принцип публичного контроля означает трансформацию самого авторитета, а не просто замену одной основы легитимации на другую. Тогда, по Хабермасу, публичная сфера есть гарантия общества как частной автономии и, в этом качестве, противовес публичной власти. Иначе, публичная сфера – форма принуждения по отношению к государству с тем, чтобы оно принимало во внимание интересы «частных лиц» [2].

Вторым субъектом публичной сферы является гражданское общество, как особая самоуправляемая система, сотрудничающая, а то и соперничающая с государством, а в иных случаях – даже противостоящая ему (в рамках, разумеется, некой социальной целостности). Соотношение государства и гражданского общества в контексте своей теории коммуникативного действия рассматривает и Ю. Хабермас. При этом гражданское общество определяется им в качестве модели добровольных ассоциаций, образующих центры политической коммуникации. Здесь важно добавить, что как сфера интеракции коммуницирующих индивидов гражданское общество нуждается в дополнительном

правовом обеспечении со стороны государственной власти. Данное обстоятельство было отмечено и отечественными учеными [7, с. 54]. Принципы и структура правового государства трактуются Ю. Хабермасом в качестве механизма институционализации политического дискурса. При этом между такими акторами дискурса, как государство (носитель государственной и политической власти), политические партии (в том числе различные ассоциации, организации и общественные объединения) и общество (гражданское общество), существует корреляционная связь, формируя основные структурно-функциональные узлы дискурса: государство – партия; общество – государство; партия – партия и партия – общество.

В условиях политической модернизации, когда усиливается политическая конкуренция и обостряется борьба между традиционными и модернизаторскими элитами, происходит значительное ослабление демократических механизмов и делиберативных принципов. Не случайно Гюнтер Дукс считает, что при разработке теории коммуникативного действия и Юрген Хабермас, и другие представители англоязычной политической философии исходят не из «практической интеракции», а исследуют идеальные социальные системы: их теория построена на основе представлений и теоретических конструктов о том, каким является или должен быть дискурс в обществе. Если же исходить из политической практики и анализа «практической интеракции», то становится ясным следующее: «Вовсе не самоочевидно, что общественные порядки являются результатом действия, прошедшего через дискурс, как это представлено у Хабермаса относительно коммуникативного действия. Скорее, следует ожидать обратного: в процессе построения общественных порядков определяющую роль играет тот тип действия, в структуре которого преследование частных интересов интегрируется со стремлением к коммуникативному пониманию. Способ этой интеграции чужд дискурсу» [8, с. 132].

Более того, существует явное противостояние между теми, кто отстаивает идеи обсуждения, и теми, кто стоит на позиции политики интересов. Данное противостояние зачастую трактуется как антагонизм между сторонниками нормативного подхода, стоящими на идеалах и принципах демократии, и теми, кто описывает реальную политическую практику. Так, Н.А. Бусова отмечает, что Энн Филип в работе «Политика присутствия» подчеркивает «глубокое отвращение делиберативных демократов к политике, основанной на интересах», а также то, что «делиберативные демократы кажутся обитателями мира романтических мечтаний, и, когда они обращаются к предположительно общим

заботам, которые должны выйти за пределы политики фракций, они вызывают законную критику за недооценку подлинных конфликтов интересов» [Цит. по: 3, с. 44]. Э. Филиппа поддерживает и Бент Фливерберг, который дает сходную оценку дискурсивной теории демократии Ю. Хабермаса: «Идеи Хабермаса разработаны как идеалы политики, но слабы в понимании реальных ее процессов» [11, с. 130]. Противоречие идеала и реальности проявляется в том, что «в реальной социально-политической жизни корысть и конфликт не уступят место некоему общинному идеалу Хабермаса. Более того, чем демократичнее общество, тем больше оно позволяет группам определять собственные способы жизни и легитимирует конфликт интересов между ними. Политический консенсус никогда не сложится путем нейтрализации групповых обязательств, пристрастий и интересов» [11, с. 134].

На этих позициях стоит Н.А. Бусова, хотя она и признает, что часть обвинений в идеализированности теории демократии Хабермаса порождена ошибочным выделением консенсуса как центрального понятия этой концепции и неверным истолкованием самого консенсуса. Рационально обоснованный консенсус участников обсуждения является критерием легитимности политического решения, касается ли оно правовых норм или коллективных целей и программ действия политического курса [3, с. 44, 45]. Однако, по Хабермасу, далеко не всегда обсуждение может привести к консенсусу, тогда решение достигается на основе компромисса или своеобразного «торга»: «В современном обществе растет объем проблем, которые требуют регулирования и касаются лишь частных интересов, поэтому разрешение их направлено на достижение компромиссов, а не на консенсус, который достигается дискурсивно». Более того, он утверждает, что «компромиссы в любом случае составляют основную часть процессов принятия политических решений», а «интересы и ценности, которые конфликтуют друг с другом без перспективы достижения консенсуса, должны быть уравновешены таким способом, который недостижим с помощью этических дискурсов» [15, р. 282–283].

Нам представляется, что данное положение Ю. Хабермаса является неким допущением иной точки зрения, чем утверждаемая им ранее. Если принять во внимание тот факт, что в реальных демократических обществах и реальных политических практиках далеко не все политические решения являются результатом консенсуса, то такой подход мы вправе назвать не консенсусной теорией демократии, а *дискурсивной или делиберативной*, делая акцент на процедуре обсуждения. Как пра-

вильно подчеркивает Н.А. Бусова, не все проблемы могут быть разрешены на основе консенсуса. Кроме того, достижение консенсуса требует порой очень долгого обсуждения, а все ветви власти находятся под прессом необходимости принять решение в течение определенного времени.

Если консенсус не достигнут, то процессы обсуждения, например, в таком органе, как парламент, заканчиваются голосованием с использованием правила большинства [3, с. 45]. Но это не исключает различия между делиберативными формами коллективного выбора и простым собиранием независимо сформировавшихся предпочтений индивидов. Результаты голосования в первом и во втором случае, очевидно, будут различаться ввиду того, что обсуждение приводит к трансформации первоначальных предпочтений участников. Правило большинства не является способом достижения консенсуса, предполагающего согласие всех участников обсуждения, особенно в условиях политической модернизации, когда сохраняется напряжение между демократией обсуждения и политикой интересов¹ (ввиду разных подходов традиционных и модернизаторских элит к пониманию и трактовке сути демократических процессов). При этом невозможно использовать консенсусное решение по всем политическим вопросам. В данном случае политика интересов означает подход к политике как борьбе стратегически действующих групп за удержание или приобретение позиций власти (власть и оппозиция) с целью утверждения своих интересов. Эти интересы и ценностные ориентации должны быть уравновешены, причем баланс интересов достигается в виде формирования компромисса между оппозиционными партиями и партиями, опирающимися на потенциал власти и властных санкций.

Нам представляется, что в контексте политической модернизации определение институциональных предпосылок делиберативного принятия решений имеет особое значение. Это условия и структуры, которые при относительно политически релевантных вопросах делают дискурс возможным. Делиберативный принцип предполагает, что все индивиды, кого может затронуть предполагаемое решение, должны иметь равные шансы

¹ По мнению Н.А. Бусовой, термин «политика интересов» не является обозначением некоего единого течения в политической философии. Указанный подход к политике может быть присутствием как теориям, отрицающим демократию западного образца (марксизм), так и концепциям, обосновывающим ее (либеральная демократия). Его могут придерживаться и сторонники реформирования современной западной политической системы (феминистская критика либеральной демократии). В данном случае политика интересов рассматривается в ее противостоянии делиберативной политике на примере либеральной модели демократии (более подробно см.: [3, с. 46]).

участвовать в обсуждении общественно значимых проблем. При этом и коммуникативные процедуры предполагают, что каждый должен иметь равную возможность их артикуляции. Основным условием соблюдения делиберативного принципа выступает правило, при котором всякие формы принуждения, связанные с неравным распределением власти и ресурсов, должны быть полностью исключены. Такой дискурс равных индивидов является основанием легитимности правовых институтов и норм демократического общества. Данные институты и нормы легитимны, так как они устанавливают систему свободного коммуникативного обсуждения – нормативного дискурса.

Это дает право утверждать, что делиберативному (дискурсивному) понятию демократии соответствует модель децентрализованного общества, где достигнута более высокая степень intersubjectности процессов взаимопонимания, которые осуществляются, с одной стороны, в институционализированной форме совещаний парламентского корпуса, а с другой – в сети коммуникации политической общественности [9, с. 29]. Наиболее благоприятным условием для формирования нормативного дискурса Ю. Хабермас считает «условия публичной, равноправной и непринужденной коммуникации, соблюдаемые в сократическом диалоге» [13, с. 76]. Это структурное описание демократического процесса определяет форму нормативной концептуализации государства и общества как исключительно публичное, нормативно-правовое администрирование. Исходя из этого мы можем с уверенностью говорить, что *данное условие является ключевым фактором дальнейшего развития политической модернизации.*

Обеспечение прав граждан и разделение властей², ограничение законами административного

² Автор согласен с мнением С. Устименко, что разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную в России фактически отсутствует. Это убедительно доказывает история последних двух десятилетий. Так, президент России является средоточием властных исполнительных полномочий, однако в то же время его решения, оформленные в форме указов, имеют силу законов. Кроме того, президент обладает отчасти и судебными полномочиями, что является прерогативой судебной власти (решение о помиловании граждан, совершивших преступления, и т.д.). В результате получается, что президент в России – политическая фигура, объединяющая эти ветви власти. Такое устройство института президентской власти не соответствует принципу демократического устройства политической системы. Помимо этого такой институт, как Совет Федерации, в результате регулярной смены принципов формирования уже давно перестал принимать самостоятельные решения. Единственным шагом в установлении демократических процедур стало возвращение смешанной избирательной системы при организации выборов в Государственную думу и выборов губернаторов. Более того, история с политическим «танDEMом» В.В. Путина и Д.А. Медведева показала, что по

аппарата являются формой развития политических модернизационных процессов. Все это нормативные меры, посредством которых демократически сформированная воля индивидов дисциплинирует государственную власть и определяет демократические процедуры. При политической конкуренции политических партий, с одной стороны, правительства и оппозиции – с другой, возможен учет общественных интересов и ценностей. Такое понимание политики дает возможность судить об общественной сфере не как совокупности воли сообщества свободных и равных индивидов, а как балансе интересов государства и общества.

Осуществление делиберативной политики в период модернизации зависит не от коллективно дееспособной совокупности граждан, а от *институционализации демократических процедур*, где дискурс как форма коммуникативного действия отходит на второй план. В результате делиберативной политики сформированное в процессе политической коммуникации общественное мнение должно трансформироваться посредством выборов в институционализированные решения и законодательные постановления, за счет которых коммуникативно созданная власть становится властью административно применяемой. В этих условиях последовательно проводимый гражданами политический дискурс приобретает характер обязательной силы в отношении способа осуществления политического господства. Административная власть, таким образом, может осуществляться только на основе публичности и абсолютной прозрачности для общественного контроля и в рамках законов, создаваемых в ходе процесса социальной коммуникации граждан [9, с. 29].

Институционализированное формирование мнения, организованное в качестве законодательной ветви власти, не может заменить неограниченный дискурс, как источник легитимности права. Индивиды артикулируют свои потребности и отстаивают свои права исходя из личного опыта, а депутаты и представители политической власти

существо премьер и президент во многом дублировали друг друга в политической жизни государства и общества, где решения премьера воспринимались обществом как решения политического лидера (более подробно см.: [10, с. 14–15]). При этом они (по меткому выражению В.Л. Иноземцева) поставили под личный контроль гигантские богатства страны и во много раз повысили благосостояние чиновников, которые стали базой для доминирования правящей элиты. Практически упразднили свободные выборы и отменили право на демонстрации и забастовки, сделали судебную власть зависимой от правящей бюрократии и, по сути, породили отделенное от народа сообщество, живущее на закрытой территории и даже по городским улицам перемещающееся без соблюдения каких-либо правил, – «элитократию» (см.: [5, с. 15]).

могут менять политические аттитюды в условиях трансформации политической системы, хотя граждане делегировали им право выражать свои предпочтения, а не изменять их. Право принять или не принять какой-либо аргумент как рационально обоснованный нельзя передать другому. Законодательная власть должна руководствоваться критериями легитимности, ее дискурс – это дискурс обоснования норм, проверки того, насколько обсуждаемая норма учитывает интересы всех, кого она затрагивает. А природа исполнительной власти такова, что она руководствуется критериями эффективности, а не критериями легитимности. Поэтому доминирование исполнительной власти ведет к подмене легитимности эффективностью [3, с. 52].

В этих условиях лишь взаимодействие законодателей и общественной сферы является основой демократического происхождения закона, что коренным образом меняет характер коммуникативных процедур. Только при условии этого взаимодействия все члены сообщества имеют возможность принять участие в дискурсе. Выразителями неформально складывающегося общественного мнения являются гражданское общество, а также общественные организации, ассоциации и объединения. В структуре политической системы общественная сфера функционально тесно связана со сферой частной жизни, где уже на первом этапе проявляется регулятивная деятельность государственного аппарата. Переживаемая в личном опыте индивидов их неудовлетворенность (фрустрация) общественно-политической сферой вначале артикулируется в частной сфере. Общественная сфера, где немаловажную роль играет оппозиция (с явно и латентно выраженными депривационными настроениями), ввиду неформализованного характера не отделена жесткой гранью от частной сферы и поэтому обладает большей чуткостью, чем институционализированная политическая система, к новым социальным проблемам, связанным с политическими модернизационными процессами. Она, фокусируя их, занимает активную артикуляционную позицию для активизации агрегативных качеств законодательного органа.

Так, начало политических модернизационных процессов в России за последний год инициировалось не представителями государственного аппарата, а общественностью, в том числе системной и несистемной оппозицией. В стране, где принципом политической культуры является этатизм и глубоко укоренившиеся автократические традиции, курс современной политической власти на административное укрепление государственности и централизованных рычагов управления не может не

сопровождаться усилением авторитарных тенденций. В амбивалентной политической системе сложился властный режим с неразвитым гражданским обществом, который может быть охарактеризован как разновидность «мягкого авторитаризма». Суть этого феномена выражается следующими отличительными чертами: концентрация властных полномочий в определении политического курса в руках узкого круга корпоративно организованной правящей (традиционной) элиты с ее ярко выраженными клановыми и эгоистическими интересами; предоставление относительной свободы деятельности для граждан (если она не посягает на монополию власти в принятии политических решений) и, наконец, отсутствие консолидированной модернизаторской элиты.

Таким образом, общественная сфера, обладающая определенными процедурами демократического действия, как резонатор проблем, с которыми должна иметь дело политическая система, в силу своих структурных, функциональных и организационных ограничений не в состоянии решать назревшие проблемы. Кроме того, общественное мнение, не обладая законодательной функцией, но используя коммуникативные процедуры делиберативной политики, имеет возможность лишь указать конкретные направления применения политической власти в принятии политического курса. Ключевым моментом является то, что общественная сфера в процессе политической модернизации может выполнять свою роль лишь в том случае, если она не подавляется, не искажается воздействиями власти (политической, административной или экономической). Развитие общественной сферы можно стимулировать или затормозить, но ее нельзя создать методами правового регулирования или политического управления.

В заключение необходимо отметить, что модернизационные процессы стимулируют политический дискурс в обществе, одновременно усиливая роль и значение государства. Только коммуникативный дискурс создает пространство свободы, в котором индивиды на основе согласия способны влиять на ход исторического процесса, быть его реальными субъектами. Если в идеальном обществе взаимопонимание ведет к дискурсивно достигнутому, мотивированному соглашению индивидов, а дискурс при этом служит для мотивировки проблематизированных значимых требований, выраженных во мнениях и нормах, то в условиях модернизационных процессов усиливается эмерджентность социальной системы. Наряду с традиционными и модернизаторскими элитами в политический дискурс вступает оппозиция представителей «частных лиц», не участвующих в публичной деятельности, –

буржуазия³ (она отдалена от публичной деятельности и публичной власти, и в этом ее отличие от олигархии). Оппозиция процедуры коммуникативного действия использует не против концентрации власти (в классическом понимании борьбы за власть), которой следует подчиняться, а против самого принципа устройства власти.

При обострении модернизационных проблем (в том числе острого противостояния традиционных и модернизаторских элит) мотивированное соглашение индивидов, где дискурс служит для мотивировки проблематизированных и значимых для общества требований, *уступает борьбе за политическую власть в внеправовом поле*, так как в реальной политической практике не все политические решения, в основе которых лежат политические коммуникации, являются результатом консенсуса. Основным инструментом служит процедура обсуждения, при этом ключевую роль играет легитимность права, зависящая в условиях острого дискурса от ненарушенных форм общественной коммуникации. Это – основной вывод дискурсивной (делиберативной) теории. В условиях острой борьбы за власть модернизаторской и традиционной элит, когда нарушены формы общественной коммуникации, процедуры обсуждения политических вопросов и принятия политических решений не выражены в реальной политической практике, а некий идеальный тип теории Ю. Хабермаса требует дальнейшего исследования и концептуализации.

Исследование проблем концепции нормативной модели делиберативной демократии (делиберативных принципов) и их воздействия на модернизационные процессы является важной составляющей научно-исследовательского поля современной политологии. Модернизация охватывает множество аспектов политического пространства, и страна, осуществляющая обновление под воздействием внутренних и внешних вызовов и рассчитывающая в своих реформаторских усилиях на силу административного воздействия, вступает в зону повышен-

ных рисков. Трудности модернизационного развития во многом связаны с недостаточным учетом этих проблем, и углубленное исследование концептуальных основ делиберативной демократии позволит оказывать непосредственное воздействие на формирование, организацию и функционирование публичной политической власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 21-34.
2. Алексеева Т. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? URL: <http://www.politstudies.ru/vm/vm2/2-3a.htm> (дата обращения: 18.07.2012).
3. Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 44-54.
4. Давыдов Ю.Н. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия: От М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму. М.: Наука, 1994. 379 с.
5. Иноземцев В.Л. Перспективы развития России в новом политическом цикле // ПОЛИС: Полит. исслед. 2012. № 3. С. 7-18.
6. Назарчук А.В. От классической критической теории – к теории коммуникативного действия (смена парадигмы в социальной теории) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1993. № 4. С. 36-43.
7. Посконин В.В., Посконина О.В. Значимость понятия «дискурс» в модели делиберативной демократии // Вестн. Удмурт. ун-та. Правоведение. 2007. № 6. С. 41-56.
8. Современная западная теоретическая социология: реф. сб. / под ред. Поляковой Н.Л. М.: ИНИОН, 1992. Вып. 1: Юрген Хабермас. 221 с.
9. Углов Д.В. Тенденции делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза // Вестн. ВГУ. Серия: Философия. 2009. № 2. С. 27-36.
10. Устименко С. Проблемы модернизации политической системы современной России // Власть. 2012. № 4. С. 13-15.
11. Фливерберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // Социол. исслед. 2000. № 2. С. 127-136.
12. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 419 с.
13. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М.: Наука, 1995. 256 с.
14. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах: пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
15. Habermas J. Between Facts and Norms. Oxford: MIT Press, 1998. P. 282-283.

³ Здесь под буржуазией автор подразумевает обладателей среднего капитала (высшего и среднего класса). Суть проблемы состоит в том, что экономический рост повысил уровень жизни граждан и сделал их лояльными режиму, в то время как представители среднего капитала осознали, что безопасность их состояний в современной России в условиях настоящего политического режима зависит от собственной политической лояльности. Ключевым моментом здесь является отдаление данных представителей от публичной деятельности и публичной власти. В итоге, по мнению В.Л. Иноземцева [5, с. 14], в России была совершена уникальная для современного мира успешная сделка по обмену экономического благосостояния на политическую «стабильность». При этом активную роль в процедурах коммуникативного действия сыграла оппозиция представителей «частных лиц», не участвующих в публичной деятельности.